

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

В.В. СОГРИН

Управляемая демократия: американский вариант

Тема американской демократии – одна из популярных не только среди специалистов, изучающих США, но и в мировой политической и политологической литературе в целом. Объясняется это тем, что со времен А. де Токвиля и по сей день именно американская модель часто рассматривается как образец демократии, которому должны следовать страны, желающие называться таковыми или вознамерившиеся создавать демократическую модель.

Апелляция к американскому демократическому опыту, если не явно, то подспудно прозвучала и в развернувшейся в российском политическом сообществе дискуссии по поводу целесообразности "управляемой демократии" в России. Сторонники этой модели исходят из того, что она, хотя и не соответствует демократическому образцу, но необходима в специфических условиях России. Оппоненты в свою очередь убеждены, что отказ от образца, воплощенного в США и других западных демократиях, будет равнозначен смертному приговору российскому демократическому эксперименту. Вышеизложенное подтверждает, на мой взгляд, то, что идеологиемы в восприятии американской, как и в целом западной, демократии, оказывающие влияние на споры по поводу отечественных реалий и перспектив, не исчезли и в современном российском обществе (другое дело, и это положительно, что сегодня мы имеем конкуренцию разных идеологем, а не монополию какой-то одной). В статье я пытаюсь преодолеть односторонность расхожих идеологем и максимально приблизиться к постижению модели, которая соответствует американской политической практике.

О сложности и актуальности решения этой задачи свидетельствует то, что и в профессиональном научном сообществе нет единства в определении характера американской демократии. Например, среди американских политологов существует несколько основных точек зрения на этот вопрос. Первая заключается в том, что в США имеет место если и не образцовая, то "реальная демократия", соответствующая национальной исторической органике и наилучшая среди существующих на сегодняшний день. Вторая, противоположная точка зрения сводится к тому, что политическая система США – это псевдodemократия на самом деле заслуживающая названия элитарно-олигархической. Сторонники третьей точки зрения рассматривают американскую политическую власть как плюралистическую: согласно ей в Америке соперничают множество социальных и политических групп, взаимодействие которых рождает реальную

Согрин Владимир Викторович – доктор исторических наук, профессор Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД РФ, главный редактор журнала "Общественные науки и современность".

политическую власть. Согласно четвертой точке зрения, американское политическое правление представляется гибридным, в котором присутствуют и народовластие (которое и есть демократия), и элитизм, и плюрализм.

Сложность точного, а тем более научно верного обозначения американской политической модели определяется и тем, что в современной политической науке существует несколько десятков дефиниций и моделей демократии [Эйзенштадт, 2002; Категории... 2002]. Назову только некоторые из наиболее распространенных: прямая демократия, представительная демократия, элитарная демократия, плюралистическая демократия, партиципаторная демократия. Характерно, что защитники той или иной модели часто считают другие модели несостоятельными или устаревшими. Отмечу также, что в самих США на протяжении большей части их истории единственной демократической моделью признавалась та, которую можно назвать классической и которая уходит корнями к античности. Согласно ей, демократия означает непосредственное участие всех граждан данного общества в организации и отправлении политической власти. Именно эта модель отождествлялась с демократией в североамериканском обществе с момента возникновения США и вплоть до XX в. Именно так понимал демократию Т. Джефферсон, искренне веривший в возможность ее утверждения в США. Подобным образом воспринимали демократию и оппоненты Джефферсона, решительно ее осуждавшие и противопоставлявшие ей исключительно представительное правление, которое они называли не демократией, а республикой. Горячий сторонник демократии А. Линкольн дал ее знаменитую формулировку, воспроизводившую классическую модель: "правление народа, посредством народа, для народа". Линкольн, как и Джефферсон, был убежден, что американцы должны стремиться именно к этой модели. Их убеждение многие американцы разделяют и сегодня, а значительная часть уверена, что линкольновская формула народовластия реально существует в США. Эта уверенность пестуется и американской государственно-патриотической идеологией.

Обращаясь к собственному анализу американской демократии, я сделаю акцент на проблеме выявления удельного веса в реальной политической практике воли большинства и меньшинства, народа и элиты, как и основных социальных и политических групп и объединений, а также на соотношении с этой практикой названных выше моделей и точек зрения. В конечном итоге я попытаюсь ответить на вопрос: *применимо ли использование определения "управляемая" в отношении американской демократии – самой развитой в мире или же оно может быть использовано в уничижительном (или пренебрежительном) смысле только в отношении "детских" демократий типа российской?*

Архетип

Оформление американского демократического архетипа относится к периоду XVII–XVIII вв., который в свою очередь может быть разделен на колониальную эпоху и эпоху образования США. В колониальную эпоху американская модель имитировала английский вариант "смешанного правления": губернаторы олицетворяли монархическую ветвь, назначаемые ими советы – аристократическую, а выборные ассамблеи – демократическую. Демократические начала были выражены слабо: избирательным правом пользовались взрослые белые собственники – мужчины, как правило, протестантского вероисповедания (число избирателей не превышало 15% населения колоний), голосование было открытым, за депутатские места в ассамблеях боролись наиболее зажиточные семейные кланы.

Эта модель претерпела принципиальное изменение в эпоху Американской революции конца XVIII в., начавшуюся в 1776 г. с провозглашения независимости США. Революция возникла как антиколониальная война, но в ее ходе начались глубокие внутренние преобразования, затронувшие в первую очередь политическую власть. Американцы разделились на две группы: первая вполне удовлетворялась косметическими переменами, а вторая нацелилась на радикальные преобразования. На протяжении всей революции (с 1776 по 1783 г.) доминировала вторая группа, добившаяся серьезно-

го успеха. В ее политической идеологии как раз и возобладала приверженность классической демократической модели, оказавшей влияние и на политическую практику.

Демократы революционной эпохи были решительными противниками централизованной государственной власти, усматривая в ней главную угрозу политической свободе. Эта установка воплотилась в Статьях Конфедерации 1781 г., зафиксировавших крайне зыбкое военно-политическое единение тринадцати бывших колоний, рассматривавших себя с 1776 г. как тринадцать суверенных государств (по-английски *states*; в русском языке это слово стало транскрибироваться как "штаты". – *Прим. авт.*). Американцы сосредоточились на обустройстве каждого из этих тринадцати республиканских сообществ, причем им были присущи схожие демократические устремления.

Во всех штатах расширилось избирательное право (в некоторых из них оно распространилось на всех налогоплательщиков, что по меркам того времени считалось воплощением максимальной демократизации). Повсеместно увеличивалось представительство западного региона, населенного по преимуществу мелкими фермерами. Отмененной как сословной схеме "смешанного правления" была противопоставлена модель "разделения властей". Последней давалось своеобразное толкование: законодательная власть возвышалась, а исполнительная принижалась и подчинялась законодательной. Были введены максимально частые (ежегодные) перевыборы нижних, самых властных и вместе с тем более демократичных палат законодательных ассамблей. Вследствие этих изменений средние и нижние слои общества сумели в существенной мере поставить политическую власть на службу своим интересам.

Политическое возвышение малоимущих слоев стало головной болью для верхнего класса на протяжении всей Американской революции, но только после ее завершения элита получила реальную возможность серьезного изменения баланса сил и политической власти в свою пользу. Устремления элиты воплотились в федеральной Конституции 1787 г., возвысившейся над конституциями штатов и утвердившей прочное и сильное федеральное государство. Исследователи по-разному оценивали Конституцию 1787 г.: некоторые приравнивали ее к триумфу демократии, другие доказывали, что с ее принятием демократии было нанесено сокрушительное поражение. В действительности подобные оценки не могут выразить сути и характера Конституции 1787 г., сохраняющейся в основных чертах и по нынешний день (уникальный пример живучести подобного рода документа), а мотивация и идеология ее авторов, вошедших в историю в качестве отцов-основателей США, были сложны и многослойны. Политические устремления отцов-основателей, безусловно, отразили заинтересованность в перераспределении политической власти в пользу элиты, но они воплотили и твердое намерение предотвратить утверждение в США политического деспотизма или даже авторитарного правления. Кроме того, им был присущ политический реализм, проявившийся в желании и способности соразмерять собственное мировоззрение с политическими мнениями и установками, укоренившимися в массовом сознании.

Создатели федерального государства решительно осуждали демократию и на секретных заседаниях конституционного конвента требовали покончить с "демократическим деспотизмом", возобладавшим в штатах. Демократии они противопоставляли республиканизм, объявленный краеугольным камнем американской политической системы. На практике это вылилось в противопоставление известной тогда модели демократии, уходявшей корнями к древнегреческому полису, новой модели. В последующем политические мыслители и исследователи стали различать их как модели прямой и представительной демократии.

Формы представительства, закрепленные Конституцией 1787 г., серьезно перераспределяли политическую власть в пользу элиты. Двухступенчатые выборы главы исполнительной власти, президента, так же как и избрание сената – верхней законодательной палаты – не рядовыми избирателями, а легислатурами штатов, призваны были максимально уменьшить воздействие простых американцев на власть. В отличие от конституций штатов федеральная Конституция резко возвышала исполнительную власть и вверяла ее одному лицу. Вместе с тем федеральная Конституция впервые в

мировой практике вводила механизм "сдержек и противовесов" во взаимоотношениях властей, который со временем был признан мировой политической мыслью важнейшим средством предотвращения тирании. Федеральная Конституция также гарантировала гражданские и политические свободы, уже укоренившиеся в Америке.

Американская политическая система приобрела законченный вид с созданием в 1790–1810-е гг. двухпартийной системы. Ее возникновение привело к формированию модели партийно-политического плюрализма, характерной для всей последующей американской истории. Включенные в модель участники разделились на активных и пассивных. В качестве активных выступали разные группы элиты, создавшие две национальные партии, конкурировавшие за власть и пытавшиеся заручиться поддержкой гражданского общества. В качестве пассивных участников оказывались различные слои электората, отдающие предпочтение той или иной элитной группе. Роль избирателей в политическом процессе была незначительной, а в политическом управлении вообще отсутствовала. Но элита, сохранившая, как и в колониальный период, главенство в системе политической власти, приобрела новые важные характеристики. Так или иначе, прямо или опосредованно, ее формирование было связано с выборным механизмом, а практика семейного "наследования" политических постов сошла на нет. В отличие от колониальной эпохи, в постреволюционный период возникает реальный "политический рынок" и полнокровная политическая конкуренция элитных групп.

В целом политическую модель, оформившуюся в период создания США, можно определить как *элитарно-представительную демократию*. Но она не изжила полностью модели прямой, или партиципаторной, демократии, популярной в революционный период. Последняя сохраняла влияние и в последующий период, но ее удельный вес в американской политической культуре не увеличивался, а господство модели элитарно-представительной демократии оставалось непоколебимым.

Процессуальная демократия. Роль большинства

В новейшее время конституционные и процессуально-нормативные стороны демократии в США определенно упрочились. В 60-е гг. XX в. утвердилось самое демократичное по всем меркам избирательное право. Черные американцы были в полной мере уравнены в избирательных правах с белыми, а в последующем в некоторых южных штатах были даже предприняты меры (в первую очередь изменение избирательных округов), обеспечившие возможность расширения представительства чернокожих граждан в органах власти (в противном случае такое представительство было обречено оставаться крайне узким в силу явного численного превосходства белых избирателей). Например, в 1992 г. в Южной Каролине в двух новых округах черным избирателям было сознательно обеспечено большинство, в результате чего в обоих округах на выборах депутатов в палату представителей Конгресса США победили чернокожие кандидаты [Political... 1996]. Важными демократическими мерами стали 24-я поправка к Конституции США, запретившая увязывать избирательное право с уплатой какого-либо налога, и 26-я поправка, снизившая возрастную цензу до 18 лет.

На современном этапе резко возросла роль такого специфически американского демократического механизма, как праймериз (первичные выборы – выдвижение кандидатов на выборные должности самими избирателями). Праймериз стали впервые вводиться еще в начале XX в. как средство ограничения влияния партийных боссов. Но после Первой мировой войны процесс затормозился и даже пошел вспять. В 1968 г. национальный съезд Демократической партии решительно потребовал увеличить количество праймериз. Примеру демократов последовала и Республиканская партия. В последующие десятилетия первичные выборы утвердились в подавляющем большинстве штатов, так что волеизъявление рядовых избирателей стало предопределять выдвижение кандидатов в президенты.

Подконтрольность политической власти обществу расширилась и в других сферах. Так, резко увеличилось количество государственных должностей, замещаемых на

конкурсной основе, и соответственно снизилась зависимость занимающих их чиновников от воли партии, побеждающей на президентских выборах. В 1990 г. Верховный суд США вынес решение о том, что при найме государственных служащих на большинство должностей партийная принадлежность не должна приниматься во внимание. Разносторонний контроль общества установлен за деятельностью высших государственных лиц – президента, губернаторов, конгрессменов. Процесс демократизации затронул и деятельность внегосударственных политических институтов, в частности партий. Влияние боссизма, игравшего огромную роль на предшествующих этапах американской истории, фактически сведено к нулю. Деятельность партийных фракций в Конгрессе США была поставлена под контроль демократических процедур в результате внутриконгрессовских реформ 1970-х гг.

Наряду с демократическими реформами в новейшее время сохранили свою роль классические демократические институты и нормы. Среди них особое значение принадлежит разделению властей. Во взаимоотношениях двух главных ветвей власти – исполнительной и законодательной – обнаружилась закономерность, оформившаяся под воздействием различающихся исторических реалий. Полномочия исполнительной власти, в первую очередь президента, расширялись, как правило, в кризисные эпохи, а в посткризисные законодательная власть брала реванш, пытаясь, и не без успеха, восстановить равновесие. В целом взаимоотношения двух ветвей власти находились в состоянии динамичного равновесия, означающего, что возвышение одной ветви власти вызывало к жизни контртенденцию расширения полномочий другой ветви, и баланс властей восстанавливался.

Итак, роль демократических норм, процедур, институтов в новейшее время упрочилась. Но означало ли это расширение народовластия – главной ценности в классической демократической теории? При ответе на этот вопрос невозможно не учитывать непосредственного воздействия общества, в первую очередь его большинства, на власть. Среди всех форм политических действий масс (митинги, движения, выборы, собрания, шествия, бунты, революции и т.д.) на современном этапе важнейшей оказались выборы. В американской политической науке признаются шесть наиболее существенных показателей вовлеченности граждан в эту политическую форму: выдвижение своей кандидатуры на выборный пост; проявление активности в предвыборной борьбе; внесение денежных средств в поддержку того или иного кандидата; принадлежность к партии или организации, которая поддерживает того или иного кандидата; агитация или методы убеждения друзей и окружения при обсуждении кандидатов; наконец, само участие в выборах.

Значение первых пяти показателей в американской политической практике минимально. Менее 1% американцев когда-либо выдвигали свои кандидатуры на выборные должности. Только 5% проявляли активность в партийной и избирательной кампании и приблизительно 10% делали финансовые взносы. Около трети американских граждан участвовали в организациях, которые могут быть названы группами политических интересов, и несколько большая часть убеждала своих близких проголосовать определенным образом. В праймериз участвовали не более 30% избирателей. И только непосредственно в самом голосовании в новейшее время принимали участие в среднем около 50% взрослых американцев [Дай, Зиглер, 1984, с. 111–112; Statistical... 1996, p. 287]. Таким образом, на американском политическом рынке подавляющее большинство ограничивается ролью "покупателей" тех или иных политических программ, делая выбор из идей и кандидатур политической элиты, которой и вручается власть реального принятия политических решений и управления страной.

Для характеристики демократической составляющей американской власти важен и вопрос о том, насколько осознан выбор большинства. Родоначальник американской демократической мысли Джефферсон считал подлинно демократическим только волеизъявление просвещенного народа, который в полной мере осознает, за кого и за что он голосует. Анализ американской политической практики новейшего времени показывает, что демократический идеал Джефферсона остается не более чем мечтой.

Американские политологи Г. Алмонд и С. Верба в своем знаменитом труде "Гражданская культура. Политические установки и демократия в пяти государствах" пришли к выводу, что хотя в США больше, чем в недемократических странах, просвещенно-информированных, действующих на основе рационального выбора граждан, все же они составляют меньшинство нации [Almond, Verba, 1987, p. 339]. А политологи Мичиганского университета разработали специальную шкалу для выявления уровня политического сознания и просвещенности американских избирателей [Nie, Verba, Petrosik, 1976]. И, согласно их выводам, на разных этапах новейшей истории просвещенные американские избиратели, вполне разбирающиеся в своем выборе, оставались в явном меньшинстве. На основе американских социологических данных можно заключить, что в лучшем случае только треть американских избирателей обладает просвещенным политическим сознанием, большинство же граждан воспринимает предлагаемые "сверху" решения на веру. Для них американские ценности превосходят любые иные "по определению", потому что иначе просто не может быть. Было бы явным упрощением считать подобную веру продуктом простых манипуляций, но несомненно и то, что она целенаправленно и успешно пестуется элитой. Безусловно, большая часть общества с помощью выборов контролирует правящее меньшинство, но сценарии контроля определяются самим меньшинством и зависят от характера и содержания соперничества различных группировок элиты.

Плюрализм и элитизм

Давно и справедливо одной из главных демократических ценностей в США признается политический плюрализм. Для многих американских исследователей вопрос о характере политического плюрализма сводится, по сути, к возможностям легального и реального политического действия разных социальных групп, но, на мой взгляд, не менее существенным является вопрос об эффективности и результатах воздействия на власть разных классов, слоев, социальных групп. Обеспечивает ли политический плюрализм в США по меньшей мере относительное равенство разных социальных групп в политическом процессе?

Есть основание утверждать, что в новейшее время сохранялись серьезные различия как в политической активности, так и в результатах воздействия на власть разных социальных групп. Для более благополучных граждан характерна гораздо большая политическая активность, чем для менее благополучных, и именно верхняя половина общества определяет исход голосования на любых выборах. Особенно велик разрыв в политическом волеизъявлении между самыми богатыми и самыми бедными: по подсчетам Т. Эдзола, из самой богатой квинты (1/5) граждан в выборах участвуют 75%, а из самой бедной – вдвое меньше [Edsall, 1984]. Гораздо большая политическая активность верхних слоев – важное условие сохранения их явного превосходства в воздействии на власть.

Возможности разных социальных слоев и групп в американской политике давно и прочно обусловлены возможностями финансирования политической деятельности. Неравные возможности американских избирателей в оказании финансовой поддержки кандидатам традиционно были притчей во языцех для поборников демократии. Но только в 1974 г. в США был принят фундаментальный федеральный закон, регламентирующий расходы на избирательные кампании, что должно было привести к выравниванию воздействия на политику разных социальных групп. Согласно закону, отдельный индивидуум мог пожертвовать кандидату в депутаты не более 1 тыс. долл. Что касается коллективных доноров избирательных кампаний, среди которых доминирующая роль принадлежит комитетам политического действия (КПД), создаваемым разными социальными группами, то каждый из них мог перечислить на счет одного кандидата не более 5 тыс. долл., а на счет партии – от 15 до 20 тыс. долл.

Принятие закона вызвало последствия, не предвиденные его творцами и свидетельствующие о том, что с помощью законов весьма трудно уравнивать шансы на политиче-

ском рынке для индивидуумов и групп с разными финансовыми возможностями. Воспользовавшись тем, что закон не ограничивал ни число кандидатов, которые могли финансироваться одним донором, ни общую сумму расходов на разных кандидатов, верхние социальные слои, действуя через предпринимательские и профессиональные объединения, обратились к созданию новых КПД, расходы которых стали стремительно возрастать. Каждый КПД мог профинансировать любое количество приемлемых для него кандидатов, а последние имели право получить деньги от всех заинтересованных в их избрании комитетов. Финансовые возможности кандидатов после принятия закона 1974 г. не только не уменьшились, но даже возросли. В 1976 г. Верховный суд США объявил регламентирование политических расходов противоречащим Конституции, и это решение сохраняет силу по меньшей мере в отношении расходов КПД и частных лиц на политическую рекламу, осуществляемую ими самими, а не идущих напрямую кандидату [Шапиро, 2001].

В конце XX в. в США было зарегистрировано 4 тыс. КПД, из них количество КПД, зарегистрированных предпринимателями, в 5 раз превышало число профсоюзных КПД [Hrebentar, 1997, p. 198]. Бурное развитие КПД отразило и общую тенденцию возрастания роли в политике групп интересов. Собственно говоря, и сами КПД являлись креатурами групп интересов, то есть корпоративных, профессиональных и общественных объединений американских граждан, которые с помощью сложения своих индивидуальных усилий хотят более эффективного достижения общих целей. Группы интересов имеют долгую историю, но подлинного расцвета они достигли на современном этапе. Среди них, в свою очередь, выделяются те, которые занимаются лоббистской деятельностью. По официальной статистике, лоббистскими организациями располагают от 15 до 20% групп интересов. В отличие от КПД, пик активности которых приходится на избирательные кампании, деятельность лоббистских организаций носит постоянный характер.

Политическая роль лоббистских организаций возросла настолько, что их критики заговорили о наличии в США властного "железного треугольника" – альянса лоббистов, законодателей и государственных чиновников, протаскивающих через ветви власти законы и решения, удобные влиятельным группам интересов. Их оппоненты, напротив, считают роль лоббистов позитивной, поскольку они институционализируют частные социальные интересы, обеспечивают цивилизационное соперничество разных социальных групп, служат важным инструментом политического плюрализма. Объективно оценить ситуацию можно, ответив на вопрос: каково соотношение групп интересов, представляющих разные социальные слои?

Как правило, среди групп интересов в качестве главных выделяют предпринимательские, фермерские, профсоюзные. Большинство исследователей в качестве наиболее влиятельных признают предпринимательские объединения, имеющие наиболее мощные и высокооплачиваемые лоббистские подразделения. Но с середины XX в. набирали вес и иные, особенно профессиональные (например, медиков) группы. А самой многочисленной группой интересов – более 30 млн членов – стала Американская ассоциация пенсионеров. Эта ассоциация, имеющая влиятельное лобби в Вашингтоне, воздействовала на законодательные органы всех уровней. Она стала главным и надежным гарантом сохранения и упрочения сложившейся системы пенсионного и социального обеспечения пожилых американцев. На современном этапе весомые результаты получили женские объединения, последовательно добивавшиеся уравнивания женщин и мужчин во всех общественных сферах.

Точное измерение соотношения и влияния на политическую власть разных групп интересов крайне затруднительно, и мне не удалось обнаружить его ни в одном политологическом труде. Вместе с тем совокупный материал дает, на мой взгляд, основание для следующих заключений. На современном этапе состав групп интересов стал более плюралистичен и среди них возрос удельный вес как тех, кто представляет средние слои общества, так и отражающих интересы общества в целом (организации потребителей и защиты окружающей среды – яркие примеры).

Вместе с тем наибольших практических результатов добивались организации бизнеса. Они же располагали наибольшими материальными возможностями для воздействия на различные властные структуры и общественное мнение. Прагматическая цель организаций бизнеса заключалась в обеспечении наибольших материальных выгод для представляемых ими предпринимательских групп, а их стратегическая цель – в сохранении социально-экономического *status quo* с допущением ряда реформ, необходимых для его поддержания. В то же время среди групп интересов практически отсутствовали и не пользовались сколько-нибудь существенным влиянием организации, представляющие нижние слои общества.

Вовлеченность американцев в группы интересов находилась в прямой зависимости от их социального статуса и материального положения: более высокое положение на социальной лестнице сопровождалось участием в большем их количестве. Так, 35% представителей верхнего класса входили в две и более группы, демонстрируя гораздо более высокую лоббистскую активность, нежели представители среднего и особенно нижнего классов [Hrebepar, 1997, p. 33–65].

Важнейшей опорой политического плюрализма в США были и остаются политические партии. На современном этапе среди американистов высказывалось мнение, что значение партий сокращается, что их из системы власти вытесняют другие институты, в первую очередь группы интересов. Партии действительно уступили ряд своих функций другим институтам гражданского общества, но их роль в политике и влияние на систему политической власти сохраняются. Организация и проведение выборов, разработка и выдвижение программ социально-экономического и политического развития нации, рекрутирование политической элиты – по-прежнему прерогативы ведущих партий. В Соединенных Штатах невозможно подняться на вершину власти, не участвуя в деятельности одной из ведущих партий.

В новейшее время главные партии расширили свою социальную базу, стали более плюралистичными. Обе партии восприняли концепцию социального государства: демократы – более либеральный, а республиканцы – более консервативный вариант. В последней трети XX в. демократы шире поддержали гражданские и политические права черных американцев, неконформистские социокультурные принципы. Республиканцы сдвинулись "влево" только в расово-этническом вопросе, а по другим фундаментальным общественным проблемам заняли консервативную позицию, в чем-то даже сдвинулись "вправо". В целом же в новейшую эпоху обе главные партии модернизировались, поставив своей целью улавливание максимального числа избирательных голосов, что позволило им вовлечь в сферу своего влияния все основные социальные классы и группы (см. подробнее [Согрин, 2003]). Вместе с тем есть яркие свидетельства того, что роль и влияние верхнего класса в деятельности обеих партий намного превосходят роль и влияние других классов. Американский политолог И. Шапиро, комментируя защиту на современном этапе обеими партиями интересов 2,5% самых богатых налогоплательщиков, язвительно заметил: "Похоже, политики стараются не облагать налогами богатых из опасения, что, выступи они с такой инициативой, средства, направляемые на их избирательную кампанию, будут переадресованы соперникам" [Шапиро, 2001, с. 29].

Признавая в обобщающей характеристике упречение плюралистических начал американской власти в новейшую эпоху, выскажу вместе с тем сомнение в правомерности объявления Соединенных Штатов неким образом политического плюрализма [Алмонд, Пауэлл, Стром, Далтон, 2002]. Образцовый плюрализм, как представляется, равнозначен если не полному, то хотя бы относительному равенству властных возможностей основных социальных слоев. Однако в современных США, как и на предшествующих этапах, властные возможности основных социальных групп (верхнего, среднего и нижнего классов, разных рас и этносов) оказались неравными, и верхние слои белой расы продолжали доминировать в политической системе, во всех ее основных институтах, включая государство и партии. При всем том, что влияние демократического и плюралистического компонентов в политической системе возросло, элитарный компонент продолжает главенствовать, а элиты, принимая меняющиеся пра-

вила политического процесса, его контролируют и часто искусно направляют, так что и демократия, и плюрализм остаются подвластны элите.

Подконтрольность демократии социально-политической элите, на мой взгляд, и представляет американский вариант управляемой демократии. Этот вариант серьезно отличается от авторитарного российского варианта, так же как зрелая американская демократия, существующая уже несколько столетий, не похожа на российскую, зародившуюся полтора десятка лет назад. Управляемость американской демократии достигается не при помощи указаний, советов и директивных акций государства и его главы, как это имеет место в России, а посредством своего рода "невидимой руки". Но "рука" эта остается невидимой только для неопытного глаза, а профессиональные исследователи достаточно точно ее обнаруживают и воссоздают в своих трудах.

Один из наиболее авторитетных леволиберальных политологов США Дж. Домхоф доказывает, что верхний класс подчиняет себе американскую политику при помощи четырех стратегических процессов: умелого лоббирования своих экономических интересов в системе государственной власти; использования разнообразных институтов, способов и механизмов для выработки и принятия приемлемых политических решений; участия в отборе кандидатов на государственные и политические должности; активного воздействия на системы образования, культуры, средства массовой информации с целью утверждения и поддержания в обществе ценностей и стереотипов, увековечивающих его классовую гегемонию [Domhoff, 1979, 1990]. Все эти четыре процесса очень подробно рассмотрены в трудах Домхофа, создающих впечатляющую картину разветвленной, глубоко эшелонированной и утонченной системы господства американского правящего класса. Правда, этим трудам присуща и очевидная однобокость. Он фактически игнорирует реальную роль демократических политических институтов, контролирующих саму элиту. Не признает он и роль американских масс в политике, хотя она и неоднозначна, глубоко противоречива, но все же воздействует на политический процесс. Наконец, Домхоф не уделяет должного внимания политической конкуренции внутри правящего класса, которая при наличии институтов демократии влияет на отбор политической элиты, делает ее открытой, качественно отличающейся от закрытых элит авторитарных и тоталитарных обществ.

Концепцию Домхофа трудно признать научно выверенной и в полной мере объективной. Но таковой невозможно признать и концепцию его оппонентов, абсолютизирующих значение процессуальной, институциональной и нормативной сторон демократии и не уделяющих должного внимания латентным механизмам власти. В действительности в США существует сложный синтез этих противоречивых сторон и механизмов, который и дает основание определить их политическую систему как демократическую, но одновременно и элитарную, и увидеть в ней реальные признаки управляемой демократии.

Наличие таковой в США признают не только ее критики, но и ряд защитников американской политической системы, а именно те, кто считает, что оптимальной моделью политической власти является именно элитарная демократия. Можно напомнить, что концепция элитарной демократии была выдвинута Й. Шумпетером, доказывающим, что жизнеспособность демократической модели может обеспечить конкуренция посвященных элит, а не масс. Шумпетерианцы присутствуют и в современной политической науке США, хотя добиться преобладания им не удавалось никогда. Среди их оппонентов есть не только представители "левого" политологического спектра типа Домхофа, но и образцовые либералы, в том числе признанный мэтр американской политической науки Р. Даль, всегда последовательно и решительно возражавший против делегирования политической власти элите и предлагавший реформы по расширению в США политического веса нижних и средних слоев [Даль, 2000; Dahl, 1981].

В мою задачу не входит обсуждение и, тем более, предложение способов исправления и улучшения американской демократической модели. В заключение укажу на одну из важнейших, на мой взгляд, имманентных причин сохранения в США на протяжении всей их истории элитарной модели демократии и неравного влияния на власть разных социальных групп. Она заключена в природе гражданского общества, образцом кото-

рого в политической науке считаются те же Соединенные Штаты. Широко признано, что главное достоинство гражданского общества – свободное сосуществование и конкуренция разнообразных социальных, экономических и политических интересов, что, как свидетельствует мировой опыт, создавало наилучшую (из известных на практике) первооснову общественного прогресса. Но эта конкуренция привела также к экономическому и социальному возвышению наиболее предприимчивых и энергичных индивидуумов, из которых оформляются верхний класс и элита, обретающие благодаря своим социально-экономическим позициям наибольшие возможности влияния на политическую власть.

Эти механизмы и следствия гражданского общества прекрасно осознавали американские отцы-основатели. Дж. Адамс, А. Гамильтон, Дж. Медисон твердо верили, что благословенная свобода неизбежно разделит общество на верхний класс, или богатое меньшинство, и менее удачливое большинство. В условиях образцовой демократии, по их мнению, это большинство попытается ограничить свободу в своих интересах. Отсюда делался логический вывод о противоречии между свободой и демократией и о необходимости ради сохранения свободы и позиций возвысившейся благодаря ей элиты ограничения и контроля демократии. Данный постулат нашел воплощение в Конституции США, создавшей модель элитарно представительной демократии. С тех пор эта модель подверглась разнообразным модификациям, сохранив, однако, и свое основополагающее качество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой опыт. М., 2002.
- Дай Т.Р., Зиглер Л.Х. Демократия для элиты. Введение в американскую политику. М., 1984.
- Даль Р. О демократии. М., 2000.
- Категории политической науки. М., 2002.
- Согрин В.В. Двухпартийная система США: преемственность и обновление // Полис. 2003. № 3.
- Шапиро И. Переосмысливая теорию демократии в свете современной политики // Полис. 2001. № 3, 4.
- Эйзенштадт Ш.Н. Парадокс демократических режимов: хрупкость и изменчивость // Полис. 2002. № 2, 3.
- Almond G.A., Verba S. The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations. London, 1987.
- Dahl R.A. Democracy in the United States. Promise and Performance. Boston, 1981.
- Domhoff G. The Power Elite and the State: How Policy Is Made in America. New York, 1990.
- Domhoff G. The Power That Be // The Process of Ruling Class Domination in America. New York, 1979.
- Edsall T. The New Politics of Inequality. New York–London, 1984.
- Hrebennar R.J. Interest Group Politics in the United States. New York–London, 1997.
- Nie N., Verba S., Petrocik J.R. The Changing American Voter. Cambridge (Mass.), 1976.
- Political Issues in America Today: the 1990-s Revisited. Manchester, 1996.
- Statistical Abstract of the United States. Washington (D.C.), 1996.